

При цитировании ссылка обязательна!

Ссылка для цитирования:

Опубликовано: Ульянова Г.Н. Московские нищие // Отечество. Краеведческий альманах. М., 1997. С.140-158.

Московские нищие

Один из первых русских исследователей нищенства Иван Прыжов писал, что в конце X–первой половине XI вв. “при Владимире уже упоминается о баснословном числе нищих, а при Ярославе они получают юридическое положение в обществе, делаются людьми церковными”¹.

В средневековом мирозерцании фигура Иисуса Христа была идеалом для верующих. И в представлении мирян ближе всех к нему стояли нищие, которые словно повторяли его поведением и обликом: прямая широкая рубаха ниже колен, с низким воротом, оголявшим шею, часто была их единственной одеждой². Соприкоснуться с этим своеобразным образцом христианской жизни мог любой человек через подаяние, которое как религиозный акт сопровождалось молитвой или крестным знаменем.

~~В.О.Ключевский писал: "Московская немощеная улица XVII века была очень неопрятна, среди грязи несчастье, праздность и порок сидели, ползали и лежали рядом; нищие и калеки вопили к прохожим о подаении, пьяные валялись на земле"5.~~

1. Средневековье. Московское нищелюбие. Убогие дома.□

С незапамятных времен столица притягивала к себе толпы бедняков, стремящихся сюда в расчете, что "Москва не сеет, не жнет, а богато живет". Огромное количество нищих являлось неотъемлемой частью городского пейзажа. В.О.Ключевский писал: "Московская немощеная улица XVII века была очень неопрятна, среди грязи несчастье, праздность и порок сидели, ползали и лежали рядом; нищие и калеки вопили к прохожим о подаении, пьяные валялись на земле"5.

Английский дипломат и путешественник Джайлс Флетчер, посетивший Москву в 1588 г., писал в своем сочинении "О государстве русском": "бродяг и нищенствующих у них (у русских – Г.У.) неисчетное число"6.

В Москве XVII века нищие прозывались по-разному, в зависимости от того места, где обитали. Так, были нищие царские, кладбищенские, патриаршие, соборные, монастырские, церковные, гулящие и леженки. Леженками назывались нищие, лежащие

на голой земле, чаще всего на мостах и перекрестках. Церковные жили при приходских храмах, например “при церкви Иоанна Богослова в Бронной помещалось сто богаделенных нищих”⁷. Соборные жили при главных московских соборах – Архангельском, Покровском, Успенском, причем так называемые “успенские” нищие образовывали своеобразную корпорация и имели своего старшину⁸.

Живший в прошлом веке историк И.М.Снегирев дал интересное описание “царских” нищих, которым дал меткое определение – “Нищие и убогие в роде штатных”. Царские нищие жили в верхних хоромах Кремлевского дворца. По описаниям англичанина С.Коллинза – придворного врача царя Алексея Михайловича в 1658–1666 гг. – это были старики по сто лет от роду. Царь Алексей Михайлович любил слушать их рассказы о старине⁹. Они получали от царя полное содержание. По данным, приводимым одним из исследователей средневековой московской благотворительности, их было 13 человек в 1668 г., 20 – в 1670 г. и 35 – в 1689 г.¹⁰

Одним из интересных, хотя и довольно зловещих по содержанию явлений, напрямую связанных с большим количеством нищих в Москве, было устройство “убогих домов”.

Они представляли собой специальные здания (ямы с крышами), выстроенные на особых кладбищах, где без отпевания и оплакивания родными хоронили бедных – бездомных, утонувших, убитых, казненных, замерзших, умерших без покаянья. Там был сторож – “божедом”, который был обязан не только охранять кладбище, но также давать приют сиротам и подкидышам. От таких учреждений возникло старомосковское название Божедомка, и местностей таких в Москве было несколько.

Одна из них – на Самотеке, где существовал Крестовоздвиженский монастырь. Убогие дома находились на соединении Божедомского пер. (ул.Делегатская) и Самарского пер., занимая видимо территорию до Александровской пл. (бывш. пл.Борьбы, сейчас Суворовская – на этом месте гостиница Центрального дома Советской Армии). Они, по мнению одного из прежних москвоведов, были самыми обширными, покойников из него хоронили в общих могилах близ Марьиной рощи, а просуществовал он до своего уничтожения в 1763 г.¹¹

С упразднением убогих домов на их месте традиционно устраивали монастыри или церкви. Так, на другом месте расположения убогих домов, был основан в 1635 царем Михаилом Федоровичем в память отца Патриарха Филарета Покровский монастырь (ул.Семеновская, ныне ул.Таганская, 58; монастырские строения частично уничтожены в советский период, на месте монастырской территории и кладбища был разбит парк культуры и отдыха Ждановского района).

Еще один убогий дом в начале XVII в. находился у Чертольского переулка (примерно на месте между домами 10 и 12 по Пречистенке, местоположение определяется по расположению уничтоженного храма Спаса Нерукотворного Образа на Убогих Домах (она же Параскевы Пятницы на Божедомке, по одному из приделов). Четвертое место, также названное, но не уточненное Никифоровым, “за Серпуховскими воротами, где временно было зарыто тело первого самозванца, впоследствии вырытое и прахом пущенное по ветру”¹².

Не только топонимические данные свидетельствуют об убогих домах, как существенном атрибуте жизни средневековой Москвы, но также сохранившиеся редкие мемуарные свидетельства.

Придворный врач царя Алексея Михайловича, англичанин С. Коллинз писал своему другу в Лондон, что погибших на улицах Москвы бродяг (убитых или замерзших) привозили в Земский приказ, и там тела выставлялись на три-четыре дня. “Если сыщутся какие-нибудь родственники, или знакомые, то они их увозят; в противном случае тела отсылаются в большое подземелье со сводами, которое называется Божьим домом (Bosky or Boghzi Dome), там складывают от ста до двух сот трупов и оставляют до весны, а весной приходят попы, погребают их и засыпают землей”¹³

Окончательное закрытие убогих домов произошло к середине XVIII в.

2. Маятник законодательства. Через репрессии к призрению.

Огромное количество нищенствующего населения подрывало равновесие общественного организма. И уже на Стоглавом соборе в 1551 г. было постановлено выявлять истинно нуждающихся, прокаженных и состарившихся и призывать их по богадельням. Решение Стоглава гласило: “Да повелит благочестивый царь всех прокляженных и престаревшихся описать по всем градам... Да в коемждо граде устроить богадельни мужския и женския, и тех прокаженных и престаревшихся, не могущих нигдеже главы подклонити, устроить в богадельнях пищею и одежею”¹⁴. То есть регламентировался порядок организации призрения в России. Этим и другими положениями Стоглава царь обращал внимание на необходимость сокращения нищенства.

Однако это осознанное движение государства, конечно, не могло быть эффективным, главным образом, из-за того, что большинство нищих в Москве и других городах стали составлять праздношатающиеся, воры, пьяницы и другие изгои общества.

Уже во второй половине XVII в. главной мерой борьбы с нищенством стала репрессия. Впервые идея репрессивных мер была высказана в указе царя Федора Алексеевича, появившемся в 1682 г. Указ предполагал наказание взрослых и исправление детей через школы. Из-за скорой смерти царя указ не был воплощен в жизнь.

Через девять лет, после указа, 30 ноября 1691 г., в котором говорилось, что “...на Москве гулящие люди, подвязав руки, також и ноги, а иные глаза завеса и зажмуря, будто слепы и хромы, притворным лукавством просят на Христово имя милостыню, а по осмотру они все здоровы, и тех людей имать ... ссылатъ, откуда пришли”, нищий перестал быть для государства неприкосновенной особой.

Совершенно жестокая и непримиримая борьба с нищенством велась в правление Петра Великого. Причем ужесточение дошло до того, что нищих попробовали лишить их освященной традицией статьи сбора – милостыни, просимой на церковной паперти. А вскоре взыскание за нищенство сравняли с наказанием за тяжкие преступления: пойманных во второй раз – били кнутом на площади и ссылали в каторжные работы, а баб и детей отправляли принудительно работать на мануфактурах.

Законодательство последующего времени, хотя и не столь рьяно, но продолжало репрессивную традицию. Однако, уже в 1761 г. один из указов вновь констатировал факт, что, несмотря на все изданные законоположения, нищенство не уменьшается и что "в Москве по церквам во время службы, а паче в праздники, ходят нищие, и по дорогам лежа, просят милостыни, из которых и пьяные бывают и необычно кричат, то же в градских воротах, и в прочих местах происходит"¹⁵.

Законодательство Екатерины Второй продолжало борьбу с профессиональным нищенством, но суровость репрессий снизилась. Одновременно создавалась система государственного призрения. Согласно "Учреждения о губерниях" (статья 380) был очерчен круг внимания местных властей к нуждающимся. Сюда вошло, помимо "попечения о народных школах", также "установление и надзирание" сиротских домов, госпиталей и больниц, богаделен, домов для сумасшедших, работных и смирительных домов¹⁶.

2. XIX век. Комитеты о нищих.□

К началу XIX столетия относится возникновение частной благотворительности в светских ее формах. Новым явлением стало возникновение в первой четверти XIX в. первых благотворительных обществ, учрежденных под контролем государства частными лицами. Изменилось и отношение государства к нищенству.

В 1837 г. в Петербурге, а спустя год, в 1838 г., в Москве возникли "Комитеты для разбора и призрения просящих милостыни", кратко называемые также "Комитеты о нищих". При создании эти подконтрольные государству институты мыслились как новая форма учреждения, где бюрократические усилия сочетались бы с финансовым и личным участием добровольных деятелей из дворянства, купечества и духовенства, снискавших себе авторитет благотворительностью.

Возглавлялись комитеты дворянами, зарекомендовавшими себя ранее на государственной службе и склонными "к общественной пользе". В Москве устройство комитета было возложено на Степана Дмитриевича Нечаева, участвовавшего ранее в декабристском движении, а после, не понеся наказания, дослужившегося до должности обер-прокурора Святейшего Синода. (Уже в начале XX в. сын его, Юрий Степанович Нечаев-Мальцев, вложил более 2 млн.руб. в создание Музея изящных искусств в Москве).

В ведение Комитета о нищих был передан городской Работный дом, в котором принудительно работали задержанные за нищенство. В задачи комитета входили меры профилактического характера, а именно, так называемый, "разбор" нищих. Местная полиция препровождала в комитет просящих на улице милостыню. В комитете же разбирали нищих от бродяг, и последних отправляли для наказания в специальные

учреждения. А нищим, в зависимости от обстоятельств, либо оказывали помощь (лицам, случайно впавшим в нужду), либо прибегали к принудительному труду и высылке по этапу на родину (эти меры применялись для нищих-профессионалов). По воспоминаниям сотрудника комитета графа М.В.Толстого, ежедневно из полиции в комитет приводили от 100 до 300 нищих. При энергичном руководителе, каким был Нечаев, работа кипела. На каждого нищего составлялась бумага, в соответствии с которой, после резолюции Нечаева, в тот же вечер решалась дальнейшая судьба попавших в комитет из полиции людей. Кого-то распределяли по больницам и богадельням, других высылали на родину, или направляли в губернское правление (беспаспортных и беглых).

Благодаря изобретательности и обходительности Нечаева московскому комитету уже в течение первых лет удалось скопить значительную сумму из единовременных пожертвований и ежегодных взносов дворян и купцов. Крупные вклады в комитет были сделаны богатым и бездетным стариком премьер-майором Афанасием Ахлабаевым. Как это происходило, описал М.В. Толстой: "Нечаев поехал к нему в Хамовники, прямо из Сената, в мундире и ленте, и так умел растрогать его своим красноречием, что старик расплакался и тут же вручил гостю 5 тыс.руб. асс., а по смерти своей (вскоре затем последовавшей) завещал комитету свой дом с большим количеством земли и до 10 тыс.руб. На эти деньги, с продажей лишней земли, устроена была Ахлабаевская богадельня, в которую переведено было значительное число увечных призреваемых из Работного дома" 17.

Немалые деньги удалось добыть Нечаеву и от золотопромышленника П.В. Голубкова. Все суммы вписывались казначеем комитета в специальную книгу, по которой ежемесячно отчитывались о приходе и расходе денег.

Что же касается Комитета о нищих, то интенсивный период деятельности его продолжался до 1860 г., пока им руководил Нечаев. После смерти Нечаева, в отсутствие умелого руководителя, деятельность Комитета бюрократизировалась и стала вялой. К тому же, после глубоких общественных и административных реформ 1860-х гг. Комитет о нищих фактически оказался за рамками новой системы местного самоуправления. Через 25 лет устарелость обоих столичных комитетов была признана Комитетом министром и было рекомендовано передать дела о нищих городским управлениям.

В 1893 г. постановлением Комитета министров "О призрении нищих в Москве и Санкт-Петербурге" Комитет о нищих был упразднен, причем основным аргументом его несостоятельности послужила в городской думе статистика деятельности комитета: "Если в прежние годы число нищих, подвергавшихся разбору и призрению в Комитете превосходило 3000, то за последнее [время] оно пало ниже 1000, а в 1888 оно составляло лишь 811, а в 1889 сошло на 463, то есть сошло на количество, ничтожное сравнительно с тем, которое прогуливалось и кормилось по улицам Москвы" 18. Вскоре

заведения комитета о нищих перешли под юрисдикцию Московской городской управы.

3. Кто были нищие и откуда они появлялись в Москве

По данным А. Левенстима¹⁹ Москва числилась среди 12 городов Российской Империи, наиболее страдающих от больших размеров нищенства. Число нищих выросло в глухую осень и в течение зимы (то есть после окончания сельскохозяйственных работ), и достигало пика в конце зимы и раннею весною – к этому времени запасы хлеба истощались, и крестьяне, в особенности после плохого урожая, были вынуждены идти по миру.

Одним из последствий Крестьянской реформы 1861 г. была пауперизация крестьянства. Произошел массовый приток бывших крестьян в нищенское “сословие” – профессионально побираться уходило не только отдельные семьи, но и целые деревни, а то и уезды. “Нищенским промыслом, иногда очерь доходным, занимаются преимущественно верейские и богородские крестьяне – в Москве и по всем краям России”²⁰, – отмечал один из исследователей.

Журнал “Вестник благотворительности” сообщал в 1900 г. “Недалеко от Москвы село Архангельско-Голицыно, деревни Синовка, Шандая и Дурасовка держат целые организованные артели нищих, определяющих направление, которое каждый нищий должен принять в своих путешествиях по России; дополняются эти партии и наемными нищими, находящимися под строгим контролем, за плату 2 руб. в месяц. Доходы опытного нищего определяются в 15-20 руб. в месяц, часть которых отсылается домой для уплаты податей”²¹. Из числа нищенских гнезд разные источники упоминают также Вышегородскую волость Верейского уезда Московской губ.²², Подольский уезд и опять Верейский уезд Московской губ. (где нищенство “до того въелось в быт и нравы тамошних жителей, что даже достоинство жениха и невесты оценивается по искусству собирать милостыню”)²³.

Но более ряды нищих пополнялись, по-видимому, из числа крестьян, решивших насовсем перебраться в город. К примеру, в Москве, по переписи 1897 г. было 661.623 выходца из крестьян, или 63, 7% жителей города²⁴. Очевидно, что часть этих людей не находила в городе заработка, и постепенно опускалась “на дно”. Например, среди обитателей Хитрова рынка совсем расстались с трудовой жизнью до 11%. Перебивались случайной работой еще 70 человек из каждых 100²⁵. По сведениям А.Краевского, относящимся к концу 1880-х гг., “наибольший контингент московских нищих образуют, конечно, фабричные рабочие, прогнанные с фабрик или оставившие их сами, потому что там “уж дюже строго взыскивать стали”, либо ремесленники и бывшие цеховые, покинувшие свое занятие, потому что “ноне у хозяев работа стала и цены на нее нетути”²⁶.

В течение XIX века источники пополнения нищенского слоя, конечно, видоизменялись. Составивший изданный в 1804 г. проект помощи нуждающимся Александр Измайлов писал: “Нищие у нас по моему мнению разделяются на три рода: первый и может быть самый малейший составляют отставные солдаты, второй самый большой крестьяне и при том большею частью крестьяне помещичьи, наконец третий увечные разного состояния и разным образом в нищету приведенные люди.²⁷ Это соотношение, как показывает статистика последующего времени, в общем-то немного изменялось в течение дореформенного периода.

По данным Московского Комитета о нищих, к примеру, в 1839 г. из почти полутора тысяч задержанных на московских улицах – треть составляли отставные солдаты и другие нижние воинские чины, пятую часть – московские мещане, еще столько же – помещичьи и государственные крестьяне. Были среди нищих – лица дворянского (2 чел.), духовного (7 чел.) и купеческого (3 чел.) звания, чиновники (54 чел.).

Спустя год (когда число задержанных достигло почти 6 тыс.чел.) доля крестьян возросла до 40%, доля отставных солдат немного уменьшилась, а число попрошайничающих московских мещан осталось на уровне 18%.

В 1857–1861 гг., в годы, следовавшие за Крымской войной, доля отставных солдат сильно возросла (более половины), а по сравнению с предвоенным времени почти удвоилась²⁸

На рубеже 1830-х–1840-х гг. более 90% нищобродов составляли москвичи и уроженцы Московской губернии. Из пришлых нищих традиционно большинство “просящих Христовым именем” давала Тверская губ. (почти треть всех иногородних), а за ней следовали Смоленская и Калужская губернии. “Заходили” в Москву за милостыней лица из Эстляндии, Лифляндии, Грузии.

В Отчете Комитета о нищих за 1840 г. содержатся интересные сведения о возрасте нищих, причем возрастной диапазон простирался от младенцев до столетних стариков. С улиц были приведены в комитет более 200 попрошайничающих детей в возрасте до 10 лет, 133 старика и старушки от 80 до 90 лет, 34 нищих в возрасте от 90 до 100 лет, и даже один старик и одна старуха “за сто лет”.

Нищенство становилось потомственным занятием. Один из блестящих русских статистиков прошлого века А.К.Корсак привел такие собственные наблюдения о нищих–мнимых погорельцах: “Старожилы московские рассказывают, что они знали многих их таких “погорелых” еще детьми, которые выросли на их глазах, обзавелись бородами и семействами, и все-таки продолжают странствовать по улицам в качестве погорелых”²⁹.

К сожалению, для статистики последующего времени, компактных опубликованных данных пока не найдено. В 1898 г. при Министерстве юстиции была образована особая комиссия для разработки вопроса о мерах борьбы с профессиональным нищенством и бродяжничеством во главе с сенатором И.В.Мещаниновым. В своем докладе “О нищенстве в России и о способах борьбы с этим явлением” на Первом съезде русских деятелей по общественному и частному призрению (состоявшемся в Петербурге в 1910 г.) И.В.Мещанинов представил официальные данные о числе нищих на 1877 год. По 71 губернии считалось 293.445 человек, просящих милостыню. Но сам же Мещанинов отмечал, что “такое число далеко не соответствует действительности”, и аргументировал это суждение следующими расчетами: “В западноевропейских государствах принято считать нуждающимися в посторонней помощи 4-5% населения, но в действительности и там этот процент выше: в Швейцарии его считают 6.7%, в Германии 7,6 %, в Италии и Испании до 8%, в Австрии 9,4%. По этому расчету у нас при 125 млн.населения количество лиц, нуждающихся в помощи, считая только 4%, составляло бы 5 млн.; возьмем, что из этого количества только 10% кормятся милостынею, и мы получим цифру в 500 тысяч”³⁰.

И действительно, данные первой всероссийской переписи населения 1897 г. давали цифры, приближающиеся к этой оценке. Переписью выделялись две группы. Одна из них, озаглавленная “нищие бродяги, странники, богомольцы, гадалки и т.п.” составляла 362.514 чел. (в том числе 122.998 мужчин и 192.648 женщин), а вторая “неуказавшие своих занятий и средств к существованию” насчитывала 316.646 лиц. Если даже не все лица второй группы относились к нищенствующим элементам, то все-таки очевидно, что число нищенствующих на деле превышало полмиллиона человек.³¹

Безусловно, что несколько десятков тысяч человек из этого числа обретались в Москве, “привлекаемые отчасти преданиями о старых временах, когда можно было жить на общественный счет, а преимущественно на счет богатого барства и богатого купечества..., отчасти оправдывающимися надеждами на щедрую милостыню и на другие легкие способы добывать пропитание...”³².

4. Быт. Доходы

Проанализировавший статистику московского Комитета о нищих за 1850-е гг. (за десять лет) А.К.Корсак установил на основе данных медицинских освидетельствований, что две трети нищих по состоянию здоровья были способны к труду.

Однако тунеядство приносило больше выгоды, чем труд. Многочисленные ухищрения и уловки сопровождали нищенское ремесло с целью повышения его доходности. Так, “нищие за наем взятых им детей платили по 80 коп. асс. и по рублю в день, а за уродливых и по 2 рубля”³³. Прыжов писал, что наряду с настоящими бедняками “тут же с

ними под одним знаменем идут бесконечные толпы промышленников (то есть, представителей нищенского промысла – Г.У.). Тут идут бабы с грудными детьми и с поленами вместо детей, идут погорелые, идут собирающие на некрута, идут выписавшиеся из больниц, но наглее и нахальнее всех идут отставные чиновники и военные, красные от пьянства, в рубище, но часто с орденом в петличке... Идут старухи, одни с гробами, другие с гробовыми крышками: они собирают на похороны..., а за ними новые старухи собирают на приданое невестам”³⁴.

Журнал “Трудовая помощь” в 1898 г. привел подсчеты московских городских попечительств о бедных. Согласно этим данным: “Нищенки Москвы собирают в день около 70 коп. А так как в Москве уже в 1889 г. было свыше 3500 лиц, живущих пособием, то с полной вероятностью можно допустить, что только на одних нищих москвичи расходуют много больше миллиона рублей”³⁵.

В начале XX в. в русском образованном обществе существовали уже вполне четкие представления о масштабах, динамике и доходах нищих в масштабах всей Империи. Уже упоминавшийся сенатор И.В. Мещанинов в своем докладе “О нищенстве в России и о способах борьбы с этим явлением”, ссылаясь на своих предшественников–исследователей нищенства, привел такие цифры, показывающие во что обходятся нищие населению: “Прыжов, определяя средний заработок нищего в 25 копеек в день, подсчитал, что нищим разных категорий раздается ежегодно 27.375.000 рублей ежегодно; другой исследователь, Недоховский утверждает, что с крестьянина, средним числом считая подачу деньгами, хлебом и разными продуктами, сходит в год около двух рублей, а отсюда он выводит, что крестьянское население тратит на милостыню колоссальную сумму в 230 миллионов в год”³⁶.

Стремление увеличить свои доходы порождало немало хитроумия и изобретательности в самой нищенской среде. Более того, внутри нее, возникала собственная иерархия – нищие-предводители паразитировали на попрошайничестве бесправных уличных бродяг. Популярный журналист конца прошлого века А.Свирский, изучавший жизнь “дна” изнутри (для чего облачался в тряпье и посещал периодически злачные места), опубликовал в газете “Россия” в 1900 г. ряд статей под названием “Московская голь”. Он описал обнаруженную им в Москве еще в 1892 г. и действовавшую на протяжении многих лет “школу нищих”. Ее содержал под видом постоянного двора некий человек по кличке Осип Черный. Заведение находилось за Серпуховской заставой. В нем в чайной “без крепких напитков” тайно торговали водкой, тут же были “харчевня” и “клоповник” (ночлежный дом). Осип Черный являлся как бы антрепренером громадного нищенского предприятия – укрывая лиц, незаконно проживавших в Москве, он изымал у постояльцев значительную часть выручки и богател с каждым днем.

Наибольшее количество его подопечных происходило либо из криминальной среды,

либо из совсем деградировавших лиц.

Антрепренеры, подобные Осипу Черному, содержали кроме взрослых “довольно большие труппы преимущественно малолетних нищих, обязанных за ночлег, скудное содержание и лохмотья, с утра до позднего вечера нищенствовать и отдавать всю выручку хозяину”³⁷. Подрастая, они не оставляли своего занятия, прежде всего потому, что не знали никакого другого.

Юрист Дмитрий Дриль, тщательно исследовавший преступность среди малолетних и психофизические типы преступников, писал о том, что моральная низость нищенской среды воспроизводится на фоне физиологической деградации определенной части беднейшего населения и напрямую связана с бытующим здесь алкоголизмом. “Эта-то наследственно вырабатываемая под влиянием многих неблагоприятных условий общественной жизни органически обнищавшая порода неэнергичных, дряблых людей, неспособных стоять на собственных ногах, непригодных к напряженному, дряблему труду, которого требует современное общество от рабочего человека, и образует собою тот основной фонд, из которого с органической необходимостью поставляются профессиональные бродяги и нищие, ложащиеся тяжелым бременем на общество”³⁸.

5. Что с ними делать? □

В июне 1887 г. Московская дума передала вопрос о борьбе с нищенством на рассмотрение думской Комиссии о пользах и нуждах общественных. Спустя год, 15 сентября 1888 г. Комиссия представила доклад № 135 под названием “О передаче в ведение Московского городского общественного управления дела разбора и призрения нищих в Москве и об организации благотворения в Москве Московским городским общественным управлением”³⁹. Обсуждение этого доклада состоялось 11 декабря 1887 г.

Дискуссия, в которой приняло участие 60 человек (гласных и приглашенных из числа активистов московской благотворительности) была весьма бурной. Обсуждению и пристрастной критике подверглись обе части доклада: первая, содержащая мнение председателя Комиссии о пользах и нуждах И.Н.Мамонтова по вопросу о борьбе с нищенством, и вторая, в которой содержался план новой организации благотворительности в городе.

Во вступительном слове к дискуссии И.Н.Мамонтов отметил, что “предлагается первая в России организация общественного благотворения, имея в центре всесословное общественное представительство. Подобного рода объединение ... поднимет

самодеятельность общества и даст этой самодеятельности наибольшее развитие. ...Подобного рода объединительная деятельность во главе с Московским городским общественным управлением, сама по себе будет содействовать развитию нравственных идеалов в жизни общества"40.

Разные точки зрения столкнулись в обсуждении. Тем не менее, все ораторы единодушно ратовали за необходимость скорейшей реорганизации благотворительности в городе. Ярче других, на наш взгляд, выразил это настроение видный экономист и статистик А.И. Чупров, который сказал: "Вопрос о призрении и благотворительности настолько существенно важен для Москвы. ...Наша столица в этом отношении стоит в исключительном положении"41. В первую очередь это определялось тем, что, как отметил Чупров, согласно переписи "только незначительная доля столичного населения состоит из оседлых жителей, а более трех четвертых состоит из таких лиц, которые пришли в Москву со стороны и больше половины их явились сюда в последние 2-3 года"42. А поскольку русское законодательство о призрении основывалось на принципе, по которому сословные общества должны были призывать своих членов, то ситуация в Москве не могла регулироваться этим законом. Чупров даже эмоционально заявил: "Нигде в последнем уездном городишке вопрос о призрении не находится в таком беспорядочном состоянии, как у нас. В последнее время невозможно человеку, имеющему что-нибудь в кармане пройти пешком по городу. Пока вы пройдете версту, к вам подойдет десять человек, протягивая руки, умоляя о помощи. Надо иметь совсем неотзывчивое сердце, чтобы закрывать глаза на подобное явление"43. Несмотря на значительное развитие в Москве в конце XIX–начале XX вв. благотворительных заведений, на которые направлялись многочисленные частные пожертвования, вплоть до наступления советского времени, когда нищенство было загнано вглубь, оно оставалось непреодолимой силой, "разъедавшей, – по словам Прыжова, – народный организм, было одним из диких явлений, получивших жизнь еще при начале нашего государства"44. Начиная с 1880-х гг. по несколько раз в год издавались указы московского обер-полицмейстера по полиции, предписывающие вылавливать нищих на московских улицах (с последующим штрафом или высылкой), но количество нищенского сброда не уменьшалось. Попрошайки знали, что в Москве они не останутся ни с чем – кто-нибудь да подаст.

Таким образом, процветала спекуляция на чувстве милосердия, присущем москвичам. Подтверждение тому содержится в рассуждениях многих публицистов, но особенно ярко эта мысль была выражена А.Краевским в работе "Вопрос о нищенстве и об организации благотворительности в Москве": "Безобразное это явление есть особенность русской жизни... Несомненно только, что оно коренится в целом строе мировоззрения русского человека. – Русский человек по природе своей щедр и великодушен, он отзывчив на голос, взывающий к его братской любви... Всегда готовый сам помочь, он не считает предосудительным попросить помощи и для себя. Поэтому во

всех тех сферах русского народного быта, где житейские понятия еще не захвачены потоком новой цивилизации, налаживаемой под европейский тон, прошение пособия Христовым именем не считается позорным, хотя конечно, и не особенно почетным; во всяком случае, не настолько унижительным, чтоб предпочитать ему даже и малое лишение”⁴⁵. Получалось, что миллионы, раздаваемые на милостыню, не уменьшали зла, а только плодили нищую братию.

1 Прыжов И. Нищие на Святой Руси. М., 1862. С.71.

2 См.: Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988. С.140, 188.

3 Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. СПб., 1907. С.448.

4 Творения Святого Отца Нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского. СПб., 1897. Т.3. Кн.1. С.293, 308.

5 Ключевский В.О. Добрые люди Древней Руси. Сергиев Посад. 1892. С.16.

6 Флетчер Дж. О государстве русском. СПб., 1905. С.128.

7 См.: Петров Л. Благотворительность в древней Руси//Вестник благотворительности. 1898. № 9. С. 40.

8 См.: Снегирев И.М. Московские нищие в XVII в. М., 1852. С.10.

9 Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне//Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1846. Кн.1. Отд.111. С.37.

10 Петров Л. Благотворительность в древней Руси. С.41.

11 См.: Никифоров Д.И. Старая Москва. Описание жизни в Москве со времени царей и до двадцатого века. Ч.1. М., 1902. С.173.

12 Там же.

13 Коллинс С. Нынешнее состояние России. С.8.

14 См.: Российское законодательство X–XX веков. Т.2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С.351.

15 ПСЗ I. Т. XV (1761). № 11389.

16 ПСЗ I. Т. XX (1775). № 14392.

17 Воспоминания гр. М.В.Толстого//Русский архив. 1881. Кн.2. С.100.

18Герье В.И. Воспоминания//ОР РГБ. Ф.70 (Герье). Карт.32. Ед.хр.6. Л.40.

19 Нищенство в России по отзывам начальников губерний. Составил по поручению Комиссии, учрежденной при Министерстве Юстиции для разработки вопроса о мерах борьбы с профессиональным нищенством и бродяжеством А.А. Левенстим. Спб., 1899. С.10.

20 Ордынский И. Сельские промыслы Московской губернии // Сборник материалов для изучения Москвы и Московской губернии. М., 1864. Вып.1. С. 12.

21 Современное обозрение//Вестник благотворительности. 1900. № 11. С.106.

22 Краевский А. Вопрос о нищенстве и об организации благотворительности в Москве. Вып. 1. М., 1889. С.24.

23 См.: Борисов Евг. Нищенство по русскому законодательству.

(Историко–общественный очерк)-//Слово. 1879. № 4. С.187.

24 Нифонтов А.С. Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. (по материалам переписей населения г.Москвы в 70–90-х гг. XX в.)//Исторические записки. М., 1957. Т.54. С.239–250.

25 Дриль Дм. Бродяжество и нищенство и меры борьбы с ними. Спб., 1899. С.18.

26 Краевский А. Вопрос о нищенстве. С.26.

27 Измайлов Александр. Рассуждение о нищих, каким способом можно уменьшить у нас в России великое число оных и доставить всем прочим безнужное пропитание безо всякого на то иждивения от казны. Спб., 1804. С.7. (Сохранена пунктуация автора – Г.У.).

28 Корсак А.К. Статистические сведения о нищенстве в Москве (за 1852–1861 годы)// Сборник материалов для изучения Москвы и Московской губернии. М., 1864. Вып. 1. С.14-16.

29 Корсак А.К. Статистические сведения о нищенстве в Москве. С.20.

30 Мещанинов И.В. О нищенстве в России и о способах борьбы с этим явлением// Труды Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. СПб., 1910. С.412.

31 Там же.

32 Корсак А.К. Статистические сведения о нищенстве в Москве. С.1.

33 Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1861. Т.1.

34 Прыжов И. Нищие на Святой Руси. С.97-98.

35 Трудовая помощь. 1898. № 1. С.210.

36 Мещанинов И.В. О нищенстве в России и о способах борьбы с этим явлением. С.412.

37 Линева Д.А. Причины русского нищенства и необходимые против них меры. СПб., 1891. С.19.

38 Дриль Дм. Бродяжество и нищенство и меры борьбы с ним. СПб., 1899. С.26-27.

39 Доклад № 135 Московской городской управы (комиссии о пользах и нуждах общественных) "О передаче в ведение Московского городского общественного управления дела разбора и призрения нищих в Москве и об организации благотворения в Москве Московским городским общественным управлением". М., 1888.

40 ЦИАМ. Ф.179. Оп.23. Д.440. Л.13.

41 Там же. Л.19-19об.

42 Там же. Л.19об.

43 Там же.

44 Прыжов И. Нищие на Святой Руси. С.55.

45 Краевский А. Вопрос о нищенстве. С.21.